

ВТОРОЙ ЛИСТЪ ГАЗЕТЫ

ОДЕСССКІЯ НОВОСТИ

№ 4458.

Воскресенье, 15го Ноября, 1898 г.

№ 4458.

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО
ПРИНЦЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ ОЛЬДЕНБУРГСКІЙ,
предсѣдательствующій въ Высочайше утвержденной комисіи для борьбы съ чумной заразой.

ДУЭЛЬ.

Новелла Верты фонъ-Зуттнеръ.
(Съ немецкаго).

Въ страшномъ безпокойствѣ металась по комнатѣ молодая женщина, подбѣгая то окну, то къ двери.

— Мать, я сума сойду, я не перенесу этого...

Въ глубинѣ комнаты стояла на колѣняхъ свекровь, закрывъ лицо руками и какъ-бы окаменѣвъ въ такой позѣ.

— Слышишь, мать? я не перенесу этого... меня подавляетъ страхъ... и въ то же время дикая, бѣшеная злоба противъ такого тупоумія. Проклятье на тѣхъ...

Свекровь обернулась.

— Марія, будь благоразумна, успокойся, мое бѣдное дитя. Что неизбѣжно, то мы должны сносить безъ ропота. Въмѣсто проклятій, проси лучше милости у Бога. Посмотри на меня: для меня твой мужъ, мой единственный сынъ, конечно, такъ же дорогъ, какъ и тебѣ, мое сердце полно тревоги; но я примирилась съ этимъ, потому что это неизбѣжно. Я полагаюсь на Господа. Онъ услышитъ мою молитву, и нашъ Адольфъ воротится невредимымъ или съ незначительною раною. Въдъ онъ хороши фехтовальщикъ. Какъ это хорошо, что мы съ отцомъ въ свое время стояли, чтобы онъ учился фехтованію. Есть большая вѣроятность, сто противъ одного, что Адольфъ пронзитъ шпагой грудь противника, прежде чѣмъ тотъ нанесетъ ему парашину.

— Это ужасно! значить на его совѣсти будетъ лежать убійство? Такой кроткій, благородный... и убійство! А тотъ, другой, его противникъ... Неужели ты думаешь, что за него не драться его любящая жена, не молится небу его мать? Какая глупость, дикость! и какъ я ненавижу все общество, которое терпитъ подобныя вещи, и не только терпитъ, но и поддерживает! Ты вотъ, мать, знала, что Адольфъ будетъ драться, и не помѣшала этому.

— Но что я могла сдѣлать?
— Ты не сказала мнѣ объ этомъ заблаговременно... я пала бы ему въ ноги... въ ноги другому, я обняла бы ихъ колѣни, я умолила бы ихъ не совершать тяжкаго преступленія.

— Это было бы недостойно тебя и твоего мужа. Когда требуется честь, тогда...

Марія въ нетерпѣннн и отчаяннн всплеснула руками, чтобы прервать рѣчь старухи, и со стономъ упала въ кресло. Не было смысла высматривать въ окно, прислушиваться къ двери: еще было рано ждать извѣстій о дуэли, такъ какъ мужъ уѣхалъ всего полчаса тому назадъ, а до мѣста поединка было минутъ сорокъ вѣды.

Она ничего не знала о дуэли. Она думала, что мужъ такъ рано отлучился изъ дому къ какому-либо больному; такъ, по крайней мѣрѣ, онъ сказалъ ей. Ее только удивило то, что, уходя, онъ нѣжно поцѣловалъ ее, и въ его словахъ: „Прощай, Марія!“ слышался какой-то грустный тонъ, какъ бы скорбь

разлуки. „Адольфъ, что съ тобою? Тебя позвали къ заразному больному? тифозному, холерному? тебѣ угрожаютъ опасность.—Врачъ всегда подтверждаетъ опасности, дорогое дитя... поцѣлуй меня еще разъ.“—Послѣ этого Марія пошла въ комнату свекрови. Та уже давно встала, что для нея было необычайно въ такой ранній часъ.—„Матушка, я пришла къ тебѣ... я такъ встревожена... Адольфу грозитъ опасность.“

— Такъ ты уже все знаешь? Лучше бы ему не говорить тебѣ. Богъ дастъ, онъ воротится невредимымъ, и ты не мучилась бы напрасно страхомъ. А теперь эта неизвестность... это ужасное чувство. Я не спала всю ночь; у меня не было спокойной минуты съ тѣхъ поръ, какъ я узнала объ этой дуэли.“—При послѣднихъ словахъ старухи раздался потрясающій душу крикъ Маріи. Такъ выдана была тайна. Послѣ этого свекровь вынуждена была рассказать уже все что она знала: изъ-за чего, съ кѣмъ и гдѣ долженъ былъ состояться поединокъ. Передала она все это въ краткихъ словахъ и потомъ, прерывая себя, сказала: „нѣтъ, теперь не время рассказывать... въ эти минуты все рѣшится... я хочу теперь молиться и только молиться“. И она упала на колѣни.— „Подойди ко мнѣ, моя дочь!“—Но Марія, ломая руки бросилась къ окну, оттуда къ двери, и опять къ окну. „Мать, я сойду съ ума я не перенесу этого!“

Послѣ этого она, какъ мы видѣли, повалилась въ кресло и съ каждымъ вздохомъ испускала сердечный стонъ.

Старушка подошла къ ней и положила руку на плечо.
— Будь благоразумна, Марія, дитя мое! А что, еслибы нашъ Адольфъ долженъ былъ отправиться на войну? въдъ тогда бы ты не роптала. Посмотри именно такъ на дѣло,—и ты найдешь въ себѣ силы перенести все. Когда требуется честь отечества, нѣтъ мѣста колебанію; такимъ-же точно образомъ долгъ cadaго благороднаго человѣка требуетъ, чтобы личную честь...

Марія вскопчила.

— Довольно, ради Бога, перестань! Твои слова только увеличиваютъ безмѣрно мою скорбь и мой гнѣвъ. Война! Неужели ты думаешь, что это сравненіе утѣшаетъ меня? Война народовъ, поединокъ двухъ лицъ—одно и то же нечестивое, безбожное установленіе. И если оно еще держится, то благодаря только вотъ подобнымъ фразамъ. Но не могу я и слышать, когда такъ говорятъ женщины, даже матери.

Она поспѣшно удалилась отъ свекрови въ свою комнату. Въ эту минуту она считала себя въ правѣ ненавидѣть старуху, которая была въ состояніи находить оправданіе и освященіе кровавой безмыслицы именно въ то мновеніе, когда ея единственный сынъ, можетъ быть, подвергался смертельному удару.

Она взглянула на часы... семь съ половиною. Мужъ уѣхалъ въ семь часовъ на плохомъ однокольномъ извозчикѣ,—она видѣла это въ окно. Въдъ, пожалуй, она его еще догонитъ, если....

И не обдумывая долѣе плача, она уже поиводила его въ исполненіе. Она накинула на себя лежавшій подъ рукою платокъ и побѣжала изъ комнаты, изъ дому, по улицѣ, на углу которой стояли фіакры. Черезъ минуту она уже мчалась по направлению того лѣска, гдѣ должна была состояться дуэль, мѣсто которой легко будетъ найти по каретамъ секундантовъ и доктора.

Фіакръ мчался въ десять разъ быстрѣе одноконнаго извозчика, который отвезъ мужа; приготовления къ дуэли; счетъ шаговъ, осмотръ оружія и т. п. тоже требовали времени; можетъ быть, нѣсколько запоздалъ противникъ,—словомъ, возможно, что она пріѣдетъ еще во время.

Во время—къ чему? Она не давала себѣ въ этомъ отчета. Она не подумала о томъ, что ея внезапное появленіе, мелодраматическая поза между шпагами дуэлистовъ—все это могло показаться заранѣе условленнымъ. Ея мужу, для отклоненія такого подозрѣнія, пришлось бы назначить поединокъ на какой-либо другой день, въ иномъ мѣстѣ, и ужъ на этотъ разъ съ соблюденіемъ тайны. Объ этомъ Марія не думала: она стоемилась туда, гдѣ ея милому грозитъ опасность, желая только спасти его во что бы то ни стало: она станетъ между ними на колѣна, будетъ просить, плакать, кричать, и они не посмѣютъ драться.

Черезъ четверть часа бѣшеной бѣды карета была на мѣстѣ. Кучеръ не разъ привозилъ дуэлистовъ въ этотъ лѣсокъ, и дорога ему была хорошо извѣстна.

— Вотъ это мѣсто, сударыня,—сказалъ онъ оборачиваясь.—Видите вонъ тамъ внизу четыре экипажа. По этой дорогѣ вы выйдете на лужокъ, гдѣ обыкновенно дерутся господа.

Марія выпрыгнула изъ кареты и побѣжала по лѣсной дорогѣ. Когда она, задыхаясь, при учащенномъ бѣганіи сердца, выбѣжала изъ лѣса, передъ ней открылась поляна,—и она вдругъ остановилась. При видѣ представившейся ей картины она лишилась чувствъ и упала въ обморокъ.

На травѣ лежала распростертая неподвижная фигура. Къ ней склонился стоя на колѣняхъ, врачъ; въ нѣкоторомъ отдаленіи о чемъ-то горячо разсуждаютъ четыре мужнины; а надъ головою погнбаемо стойтъ, опершись на шпагу, сокрушенный, печальный побѣдитель.

И этотъ побѣдитель, какъ успѣла замѣтить несчастная женщина, былъ не ея мужъ, это былъ кто-то другой.

Когда Марія выздоровѣла отъ нервной горячки, постигшей ее послѣ смерти мужа, ей передали оставленное имъ письмо.

„Милая моя подруга! Когда ты получишь это письмо, ты уже будешь вдовой, а наши дѣти сиротами. Уложи меня въ гробъ преступленіе, и преступникъ тутъ не мой убійца, а все общество. Такъ называемый долгъ чести есть позоръ и безчестіе, и опять

не для тѣхъ, кто этому долгу повинуются, а для всѣхъ образованныхъ людей, которые поддерживаютъ этотъ догматъ вопреки разуму и человѣколюбію.

„Развѣ это доказательство мужества—пренебрегать жизнью, рисковать ею изъ-за какого либо вздора, робезно отдавать ее въ распоряженіе cadaго двачуна и буяна? Мужество! Развѣ я,—врачъ,—не обнаруживалъ его въ холерныхъ госпиталяхъ, развѣ я дрожалъ тамъ? А теперь я дрожу, ибо я боюсь,—да, боюсь и не стыжусь написать это слово,—я боюсь, что не увижу болѣе тебя и дѣтей, или что убью того человѣка, единственнаго сына, отраду преставаго отца, друга моего батюшки. Когда же, наконецъ, поймутъ, что убивать и ранить такъ же противно и больно, какъ страшно и больно быть убитымъ или раненымъ? Когда поймутъ, что если кто боится дуэли, то это не значитъ, что онъ трусъ, а это только значить, что онъ гуманнй человѣкъ?“

„Пора искоренить это сумасбродное ученіе о чести. Развѣ въ Англии, въ этой родинѣ „джентльменства“, нѣтъ вовсе культъ чести? А въдъ тамъ со всѣмъ нѣтъ дуэлей. Я не говорю, что нужно искоренить понятіе о чести, чувство чести; но нужно его очистить, возвысить. Честь всегда будетъ высшимъ достоинствомъ человѣка; но это—его неперикосновенное личное достоиніе, только онъ самъ можетъ повредить своей чести или потерять ее, а обиды другихъ не могутъ запятнать ея.

—Обнарудуй это письмо. Моя смерть должна послужить на пользу; я объявляю обществу, что я—жертва его предрасудка и за это презираю его. Завѣщаю тебѣ внушить это презрѣніе и нашимъ дѣтямъ, не только сыновьямъ, но и дочерямъ. Именно женщины болѣе всего поэтизируютъ и прославляютъ героичесъ сраженій и поединковъ; онѣ—преимущественныя хранительницы старыхъ предрасудковъ, онѣ косно прідерживаются того, что есть въ жизни, хотя бы это было что-нибудь неразумное, жестокое, варварское. „Мнѣ хотѣлось бы отклонить вызовъ этого глупаго человѣка“—говоритъ я въ нѣбольшойности своей матери.—„Это невозможно, Адольфъ! Честь прежде всего... Что подумаетъ послѣ этого твой противникъ, свидѣтели, свѣтъ? И когда всѣ заговорятъ объ этомъ, какъ стыдно будетъ за тебя Марія... Хотя твоя утрата—смерть для меня, тѣмъ не менѣе я говорю тебѣ: иди и дерись!“ И вотъ къ чему привело все это! бѣдная Марія... А моя несчастная мать? Прости ей, Господи!“

Путешественникъ Ландоръ въ Тибетъ.

Горная область Тибета всегда была наиболѣе недоступной для исследователей. Въ главной горѣ Лассу еще не удалось проникнуть никому изъ европейцевъ. Русскій путешественникъ Пржевальскій и принцъ Генрихъ (русскій) должны были свернуть съ дороги, когда имъ пришлось пробѣжать мимо резиденціи дабай-ламы.

Молодой англійскій художникъ Генри Ландоръ вѣсною 189 г. задаясь цѣлью проникнуть въ это святѣище Тибета. Онъ предположилъ, одѣвшись въ китайское платье, разыграть роль пилатрима. Но за эту мысль ему пришлось впоследствии жестоко пострадать. Запасшись китайскимъ паспортомъ и большимъ количествомъ инструментовъ, Ландоръ пріѣхалъ въ Болбей. Послѣ липей, связанныхъ съ трудностями перехода, онъ достигъ, наконецъ, вѣтвѣ со своими спутниками мѣстности Аскотъ, лежащей на вершинѣ горы, откуда послѣ трехъ дней пути пришелъ къ живущему въ лѣсахъ племени Раотъ. Одинъ изъ раотовъ тотчасъ же предостерегъ Ландора, что горные духи помѣшаютъ его намѣренію, и онъ испытаетъ большія страданія. И цѣлая толпа раотовъ стала предсказывать ему: «онъ скоро уаретъ». На прощанье лѣсные люди повторили ему: «Ты видѣлъ жилища раотовъ, ты первый иностранецъ, сдѣлавшій это, и зато ты много пострадаешь, такъ какъ боги разсердились на тебя!» Отъ раотовъ Ландоръ направился дальше. По дорогѣ онъ узналъ, что долго сохранившійся въ тайнѣ планъ его путешествія извѣстенъ уже тибетскимъ властямъ. Экспедиція достигла уже высоты въ 3300 метровъ и совершила свой путь по снѣжнымъ горамъ. Здѣсь Ландоръ едва не погибъ, уязвъ въ пропасть, и спасся только благодаря тому, что на пути попалась большая снѣжная скала, бывшая надъ него якоремъ спасенія. Ландоръ оказался весь израненнымъ, но жизнь его была спасена. Въ дальнѣйшемъ пути экспедиціи пришлось пережить и другія опасности, между прочимъ, въ это время произошло землетрясеніе, которое также едва не стоило жизни нѣкоторымъ членамъ экспедиціи. Послѣ ужасныхъ липей Ландоръ достигъ высоты въ 19.00 футовъ. Дальнѣйшее восхожденіе на горы влекло за собой неминуемую смерть. Самъ онъ и двое его спутниковъ были уже близки къ смерти отъ холода, но какимъ-то чудомъ имъ удалось спастись. Наконецъ, они достигли тибетской границы. Здѣсь имъ попадаются на встрѣчу двое пицчихъ, которые оказались впоследствии тибетскими шпионами. Они угрожающе европейцамъ смертью, но стали ползать у ногъ, когда имъ показали европейскую силу. Затѣмъ на европейцевъ нападетъ шапка резобинковъ, которая удраетъ, какъ только встрѣчается серьезное сопротивленіе. Тутъ-же Ландоръ узнаетъ, что за его голову назначено 500 рупій (около 400р.), сумма, обладаніе которой да тѣ качку богача. Проходи по уступамъ горъ, путешественники прибавляются къ храму ламы, гдѣ тибетцы враждебно встрѣчаютъ ихъ. Имъ высказается на встрѣчу толпа всадниковъ, которая предлагается бѣгству при первой попыткѣ серьезнаго сопротивленія. Послѣ этого является вѣстникъ, который приглашаетъ путешественниковъ въ страну. Ландоръ отправляется дальше и достигаетъ источника Враманутры и торговаго пути, по которому идутъ караваны въ Лассу. Въ это время одинъ изъ тибетскихъ быковъ, на которомъ находилась главная записка провинціа, подражалъ съ другими быками и попалъ въ рѣку, гдѣ погнбъ. Путешественникамъ угрожала голодная смерть. Спутники Ландора, опасаясь ликарей, стали возмущаться и задумали даже убить Ландора. Одинъ изъ нихъ въ пошлой тѣлѣ сталъ даже топить ножа, но его обезоружили.

Наконецъ, Ландоръ подходитъ къ Лассѣ. Онъ рѣшаетъ обратиться въ городъ въ китайской одеждѣ, притворившись пѣвчимъ пилатримомъ. Вотъ имъ уже въ священномъ городѣ. Его немедленно окружаютъ цѣлая толпа тибетцевъ. Притворившись къ лошади, онъ прибавляется, чтобы осмотрѣть ея ноги, но въ это время его схва-

тываютъ и связываютъ по рукамъ и ногамъ. Вѣтвѣ съ нимъ уведутъ также двухъ связанныхъ спутниковъ. Тотчасъ же обыскиваются ихъ карманы и уносятся все, что тамъ было.

Ландоръ рѣшилъ въ одинъ звукъ не показывать дыряжъ, что онъ страдаетъ. Онъ обнаруживаетъ поэтому величайшее равнодушіе, когда ему сообщаютъ, что онъ будетъ обезглавленъ. Это повліяло на тузменцевъ, и ихъ первый пылъ остываетъ. Прежде всего его отводятъ въ шатеръ, гдѣ собралось много ламъ съ бритыми головами и длинными шерстяными туниками, и дѣлаютъ его свидѣтелемъ публичнаго слуги, котораго обвиняютъ въ томъ, что онъ указалъ Ландору дорогу въ страну. Затѣмъ его приводятъ въ судъ для допроса. На высокомъ креслѣ среди ламъ и офицеровъ, онъ увидѣлъ истеричнаго молодого человѣка, въ желтыхъ панталонахъ и сюртукѣ съ снѣжноошмиса рукавами, съ четыре угольной шляпой, на которой нарисовано три глаза. Это былъ Помбо, главный лама, губернаторъ провинціи. Три ламы бросаютъ Ландора на колѣни передъ Помбо, но ему удается сохранить свое положеніе. Помбо выражаетъ свое негодованіе на тибетскомъ языкѣ. Снова проносятся избіеніе слуги, но Ландоръ сохраняетъ полнѣе равнодушіе. Помбо внезапно превращается въ ясенка. Онъ проситъ Ландора показать, что его слуга изготовилъ ландкарты, и тогда слуга будетъ обезглавленъ, а онъ будетъ отущенъ на свободу; но Ландоръ принимаетъ всю вину на себя. Какой-то солдатъ заявляетъ ему, что черезъ нѣсколько дней ему будутъ сломаны ноги и выжжены глаза, и послѣ этого онъ будетъ обезглавленъ.

Ему связали руки на спинѣ и посадили на дикую лошадь, съ сѣдломъ, на которомъ торчали шесть острыхъ игловокъ, причинявшихъ ему невыразимую боль. Послѣ прогулки на протяженіи миль Ландора снова привели къ Помбо. Затѣмъ его снова сажаютъ на лошадь, которая подъ кнутомъ бѣжитъ галопомъ. Въ такомъ видѣ Ландоръ добѣгаетъ до большого храма ламы. Здѣсь его привязываютъ къ дереву, и при крикахъ нѣсколькихъ сотенъ ламы стѣбуютъ въ него, но выстрѣлы оказываются неудачными. Ноги его сильно раздвигаются веревками, которыя врѣзаются ему въ тѣло. На жаровнѣ въ это время накаливается желѣзный шпиль. «Мы хотимъ тебѣ выжечь глаза!» кричитъ хоръ ламъ. Помбо беретъ накаленное желѣзо и приближается къ пылнику. «Ты, говоритъ онъ, иршешь въ нашу страну, чтобы все осмотрѣть; поэтому ты долженъ быть ослѣпленъ». Съ этими словами онъ придвигаетъ желѣзо на разстояніи 5 сантиметровъ отъ глазъ, такъ что оно прикасается къ носу Ландора. Несмотря на всѣ эти муки, европеецъ остается совершенно равнодушнымъ. Затѣмъ Помбо приказываетъ къ его лбу фитиль, солдатъ зажигаетъ его, происходитъ ужасный ударъ, но орудіе выпадаетъ изъ рукъ Помбо. Несмотря на всѣ страданія, Ландоръ улабиулса при видѣ этой неудачи, и это еще болѣе возбуждаетъ Помбо. Затѣмъ приноситъ мечъ. Толпа кричитъ: «Убей его! убей его!» Въ эту минуту Ландоръ обращается къ ламѣ и говоритъ, что если онъ умретъ сегодня, то онъ всѣ уаретъ завтра. Тогда Помбо въ бѣшенствѣ подкаиваетъ къ нему, подымаетъ мечъ надъ его спиной, приближаетъ его къ горлу, снова отходитъ на нѣсколько шаговъ, съ размаху снова ударяетъ мечомъ по одной сторонѣ головы, но на самомъ дѣлѣ едва прикасается, то же самое подкаиваетъ и на другой сторонѣ головы, и затѣмъ удаляется. Послѣ этого Ландору было заявлено, что онъ будетъ обезглавленъ на слѣдующій день. Въ этотъ-же день его и слугу хорошо кормятъ и поитъ чаемъ.

Kaiser Nicolaus II. von Russland
im Erlaß vom 23. August 1898:

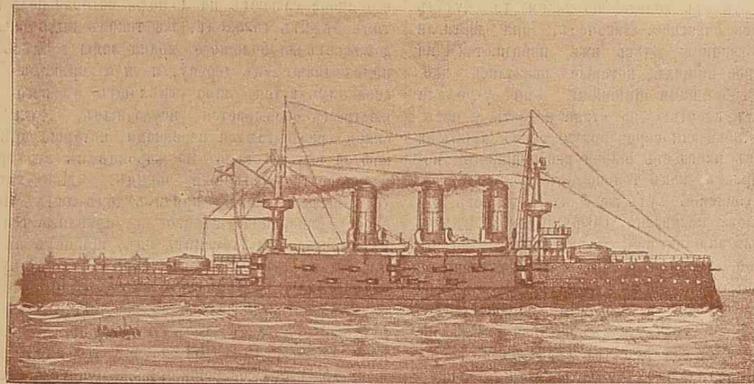
„Великая идея всеобщаго мира должна восторжествовать
надъ всеми элементами вражды и раздора.“
„Der grosse Gedanke des Weltfriedens muss über alle
Elemente des Unfriedens und der Zwietracht triumphiren.“

Почтовые карты, распространенныя въ Германіи.
(Въ память ноты 12-го августа 1898 г.).

Одесса.—На праздникъ артиллеристовъ одесскаго военного округа 8-го ноября 1898 г.

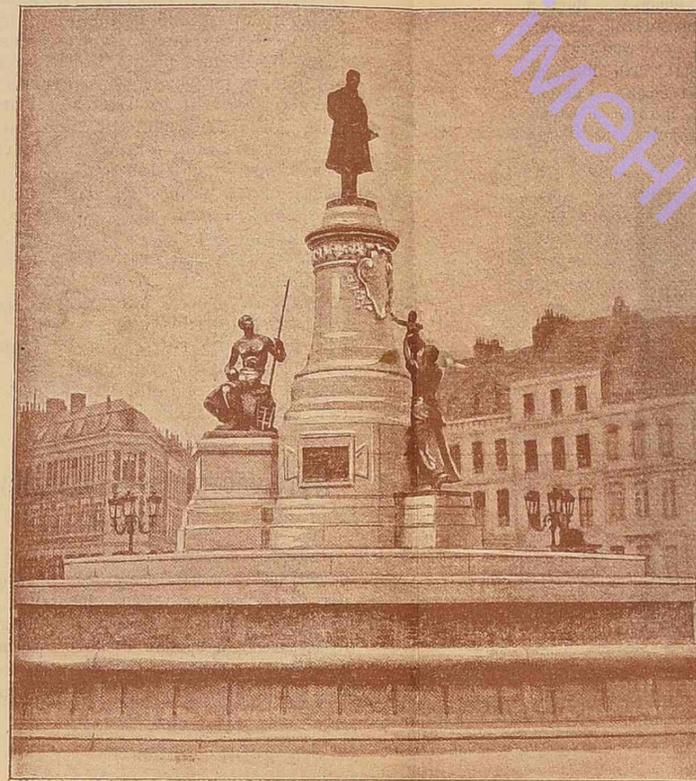
(Съ фотограф. г. Броуда).

Новый эскадренный броненосецъ «Ослабъ».—Въ вооруженномъ видѣ.

Одесса.—Парадъ войскъ на Соборной площади 8-го ноября 1898 г.

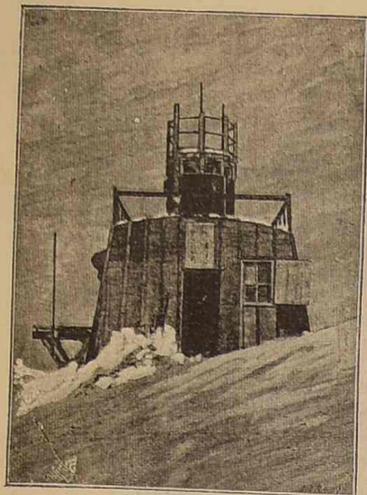
Памятникъ Пастеру въ Лиллѣ.

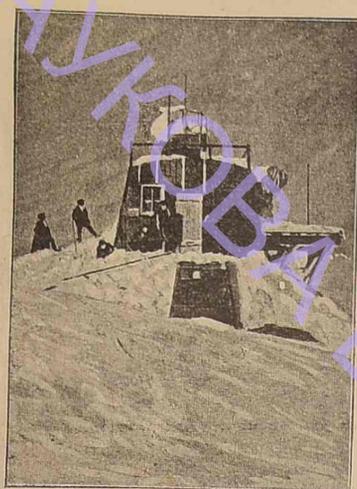
Китайская императрица регентша.
(Съ китайской акварели).

Одесса.—Парадъ войскъ на Соборной площади 8-го ноября 1898 г.

Входъ съ долины Шамони.

Входъ съ западной стороны.

Обсерваторія на Монбланѣ.

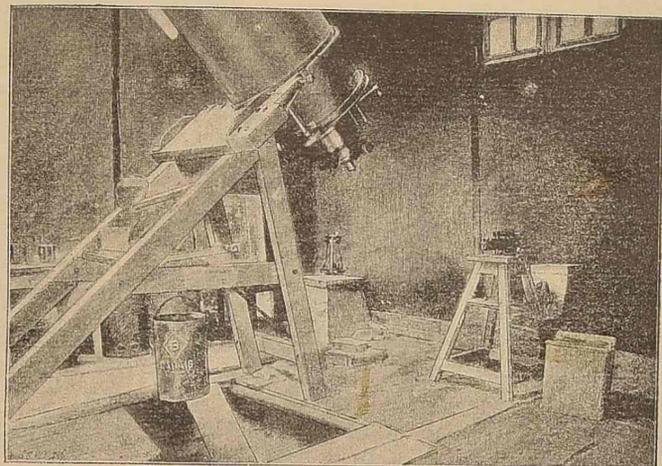
Послѣ этого продолжались еще другія попытки. Ландоръ предложилъ Помбо свое оружіе въ видѣ подарка и пожертвованіе въ 5 0 рупи на храмъ; пожертвованіе было отклонено, такъ какъ храмъ очень богатъ, а подарокъ не ладилъ удобнымъ принять. Тѣмъ не менѣе Помбо былъ, повидимому, тронутъ. Ландоръ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы подвѣстивать на воображеніи тибетцевъ. У него была губка о которой туземцы не имѣли представленія. Онъ омочилъ ее въ воду, и по мѣрѣ того какъ она разбухала, тибетцы приходили въ ужасъ, видя въ томъ коловодство, а въ концѣ концовъ обрадовались въ отвѣтъ. Одному ламѣ онъ позволилъ доиграть со своимъ ружьемъ. Тотъ, повернувъ дуло къ носу, спустилъ курокъ и тяжело ранилъ себя. Это произвело такое впечатлѣніе на тибетцевъ, что они освободили Ландоръ отъ оковъ. Наконецъ, благодаря случайности ему удалось освободиться. Оказалось, что пальцы у него срослись гораздо выше, чѣмъ у тибетцевъ, а по ихъ повѣрью, у кого срастается подобная вещь, тотъ обладаетъ даромъ коловодства. Благодаря этому, ему позволили вернуться въ Индію. Не мало еще пришлось написать Ландорю писемъ, но все-таки ему удалось вернуться въ отечество и передать слышности все пережитое имъ.

ОБСЕРВАТОРІЯ НА МОНБЛАНѢ.

На вершинѣ горы Монбланъ находится обсерваторія, построенная Жансенемъ, любопытная какъ по своему устройству, такъ и по своимъ задачамъ. Зданіе обсерваторіи представляетъ собой пирамиду, прямоугольное основаніе которой находится въ снѣгу, что сообщаетъ ей большую устойчивость. Входъ въ обсерваторію находится непосредственно передъ долиной Шамони. Въ большой залъ обсерваторіи находится великолѣпный 14-дюймовый телескопъ, который принесенъ былъ туда отъѣзными частями, такъ какъ онъ оказался слишкомъ тяжелымъ. Въ длину большой телескопъ обсерваторіи имѣетъ 4 метра и значительно превосходитъ по своей величинѣ телескопъ парижской обсерваторіи во времена Араго. Ни одна обсерваторія въ мірѣ не имѣетъ теперь подобнаго телескопа. Въ Пулковской обсерваторіи

намъ необходимымъ пользоваться 30 дюймовымъ телескопомъ всякій разъ, когда температура бываетъ больше 15 градусовъ ниже нуля. При такихъ условіяхъ наблюденія оказались бы совершенно невозможными зимою на Монбланѣ. Но Жансенъ во избѣжаніе этого остроумно воспользовался спидерстатомъ Леона Фуво. Онъ снабдилъ зеркало шпурками, такъ что можно получить въ направленіи оси изображеніе всякаго предмета, появляющагося на горизонтѣ вершины Астроному не приходится ни переворачивать телескопъ, ни самому перемѣщаться, и онъ имѣетъ возможность согрѣваться, чтобы оказывать сопротивленіе вѣсной температурѣ.

Въ восточной части обсерваторіи, издали видны красивые горы Сервель и Монть-Роза. Горы эти, въ далекой перспективѣ, похожи на воздушные шары. Тамъ, на этихъ горахъ, предполагается устроить крайнюю станцію проектируемой желѣзной дороги на Монбланъ. Находясь на этой станціи, путешественники будутъ имѣть возможность опредѣлять, позволяютъ ли имъ дыхательные органы подняться еще выше.

Обсерваторія на Монбланѣ.—Главный залъ.

Памятникъ Пастеру въ Лиллѣ.

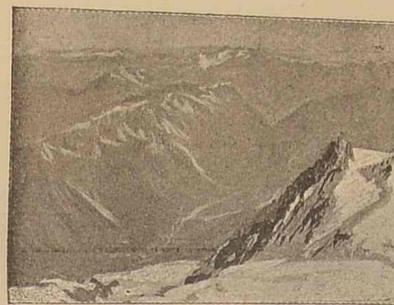
Городъ Лилль почтилъ память знаменитаго ученаго Пастера, воздвигнувъ ему на одной изъ своихъ площадей памятникъ, напоминающій о заслугахъ знаменитаго ученаго. На изящномъ постаментѣ возвышается статуя, представляющая прекрасный силуэтъ. Двѣ группы гармонично расположены сверху и снизу главной фигуры. У самыхъ ногъ Пастера мать подаетъ ему на руки ребенка, проси у него помощи. Съ другой стороны женщина, сиди, убаюкиваетъ ребенка, который обрѣлъ своимъ здоровьемъ значительному ученому. Памятникъ исполненъ очень изящно и красиво и, несомненно, составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній города Лилля.

ЖИЗНЬ РАБА.

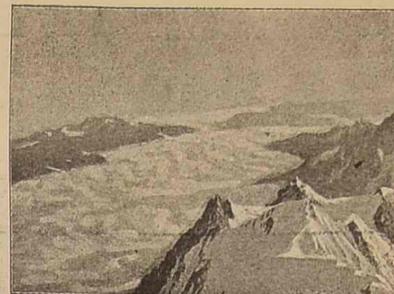
Альфреда Хеденстерна. (Съ шведскаго).

Онъ не былъ рожденъ рабомъ; наоборотъ, судьба предназначала его владѣть, такъ какъ онъ былъ сыномъ сапожника. А во власти сапожника расположеніе духа человека, отъ него зависяетъ, чтобы тотъ чувствовалъ себя хорошо или дурно среди нашей земной юдоли. Если портной испортитъ платье, то не слишкомъ избалованный человекъ все таки можетъ привыкнуть къ своему дурно сшитому костюму и носить его какъ ни въ чемъ не бывало; но сапожникъ можетъ сдѣлать человека хромымъ, довести до зараженія крови, вызвать на пятѣ отвратительный нарывъ и заставить проливать горькія слезы. Мало того; онъ можетъ огривить молодежь радости бала, а отца семейства своими счетами и издѣлками испугать, по льдямъ угрозы, двинуть ночной пологъ.

И такое то положеніе истиннаго повелителя человечества могъ бы занять Карлуша Пангелль, а онъ въѣдо того предпочелъ учиться, чтобы сдѣлать настоящихъ «господиномъ». Вотъ и пришлось ему книжничать и выпрашивать взаимныя книги, а послѣ объѣда бѣгать со счетами къ собственнымъ учителямъ. Одинъ изъ нихъ не разъ даже выталкивалъ его за дверь, «потому что у него не было мелочи», и хоти Карлуша очень любезно предлагалъ сбѣгать разбѣять

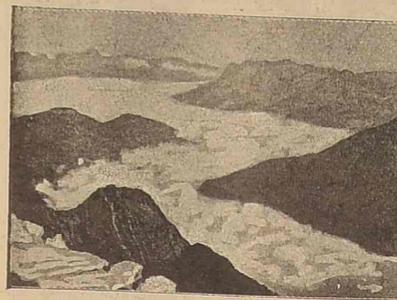

Въ ясную погоду.

Въ облачную погоду.

Вершина Монблана.

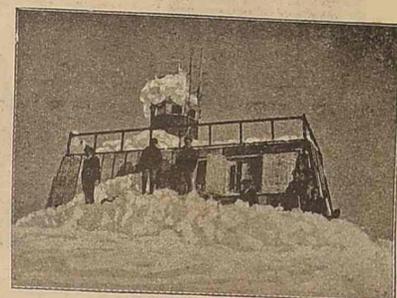
Долина Шамси.

Вершина Монть-Розы.

Видъ со стороны Италіи.

Фасадъ обсерваторіи, обращенный въ сторону Италіи.

Обсерваторія на Монбланѣ.

деньги, но тотъ не желалъ входить съ нимъ въ дальнѣйшія разсужденія.

Когда Карлуша дошелъ до третьяго класса, умеръ его отецъ; пришлось бѣгать по городу и вымаливать себѣ даровые объѣды. Черезъ каждые два дома ему просто отказывали; въ другихъ, правда, принимали нахлебникомъ, но приправили эту милость замѣчаніями въ родѣ того, «что такъ называемое элементарное даровое обученіе въ сущности одно безобразіе, или; «очень глупо, когда дѣти бѣднѣе или ремесленниковъ желаютъ учиться», или; «что онъ, въфройта, очень зазнался, такъ какъ считаетъ ремесло сапожника низкимъ для себя», и много подобнаго.

Наконецъ униженный, озлобленный, съ трудомъ глотая слезы, преспокоенный горькой ироніи онъ отправился къ молодому учителю, у котораго никогда не бывало мелочи, но зато были жена, дѣти и большое хозяйство, чтобы выпросить у него одинъ недостающій объѣдъ въ недѣлю. При видѣ Карлуши учитель собрался было съ яростью захопнуть передъ его носомъ дверь, но, увидявъ, что старикъ Пангелль умеръ, по счетамъ насѣдники взыскивать не будутъ, и

мальчикъ занять прискакивалъ для себя даровыхъ объѣдовъ, онъ весело расхохотался и воскликнулъ: «Ну, войди, войди, голубчикъ! Такъ вотъ какъ! Ты измѣняешь паутюкраги и совершенно серьезно стремишься сдѣлаться умственнымъ пролетаріемъ? Ты желаешь разъ въ недѣлю составлять мнѣ компанію? Вотъ что! Не дурно! Добро пожаловать! У тебя не запла еще пятница, да мѣня это очень удобно. Стаю быть, въ пятницу, въ половинѣ десятаго, жена и я будемъ имѣть честь выѣхать у себя за завтракомъ молодого Пангеллина. Можетъ быть, тогда, глядя на насъ съ небезъ, и старикъ Пангелль раскиснетъ въ своихъ дурацкихъ угрозахъ. Ну, ступай съ Богомъ, Карлуша, и не забудь своего учителя, когда сдѣлаешься министромъ просвѣщенія».

Наступила тяжелая жизнь. Правда, мальчикъ кричалъ, но гелдъ, крѣмъ бѣдняка учителя, приправили объѣдъ такимъ замѣчаніями, что онъ ему казался очень горькимъ. Въ двухъ мѣтахъ онъ долженъ былъ въ «доказательство своей признательности» по дѣльямъ часамъ готовить уроки съ маленькими сыновьями хозяекъ.

Въ третью дождь случайно всегда являлась необходимость послать его съ порученіями въ другой конецъ города... А добываніе книгъ и одежды?! Въдъ мать ничего не могла ему давать. И вотъ ему, очень посредственнымъ ученику третьяго класса, приходилось самому искать уроковъ. Довѣріе къ нему было очень ограниченное, его помощь при приготовленіи уроковъ еще ограничениѣе, а гонораръ и того менѣе. Бывали времена, когда у него не было не только нужныхъ книгъ, но даже и чулокъ, и башмаковъ.

А онъ все надеялся, что когда-нибудь жизнь такъ же свободна и широко развернется передъ нимъ, какъ теперь свободно выгадывали его локти изъ дѣржавыхъ рукавовъ.

Собственнымъ ученьемъ пришлось заниматься только ночью. Стучалось и застрѣвать въ классѣ, но когда онъ достигъ до послѣдняго, ему стало легче: на льто онъ получилъ мѣсто респектора, уѣхалъ въ деревню и тамъ ежедневно бѣл по три раза въ день, купался и быстро вытянулся.

Зато душа его была засосана и устала, какъ душа старика. Онъ никогда не зналъ дѣтскихъ игръ, уроковъ ствій или юношескихъ мечтаній, потому что на это у него никогда не хватало времени. Мало площадки для крокета онъ проходилъ съ такими же чувствами, такъ мимо строящагося адіаніи—ни о томъ, ни о другомъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Въ деревнѣ онъ наблюдалъ за играми молодежи приблизительно со тѣми же чувствами, какъ другіе наблюдаютъ за пасунами скотомъ: такъ же, какъ не могло ему прити въ голову скакать въбѣтъ съ лошадьми и хватать жеребятъ за уши, такъ же для него было немисливо пригласить молодую дѣвушку поиграть съ нимъ на лугу въ горьлки. Молодежь скорѣе могла бы соблазнить дѣвухею и бабушекъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

фотографія мысли.

Газеты сообщаютъ, будто-бы сынъ знаменитаго Эдиссона, Томасъ, открылъ способъ фотографировать мысли. Для этого онъ беретъ будто бы субъекта, способнаго насъ обиниво и отчетливо думать, беретъ ему голову, надѣваетъ на послѣднюю какой-то металлическій аппаратъ, соединенный проводниками съ катушкой Румкорфа, соединенной предъ другимъ аппаратомъ, похожимъ на фотографическую камеру. Въ результатѣ—мысль даннаго субъекта отпечатывается на фотографической пластинкѣ.

До сихъ поръ, впрочемъ, Эдиссонъ-младшій успѣлъ получить только отпечатки какого то неопредѣленнаго кружка—портретъ, яко бы, мысли о шиллингѣ, заказанной гоняемому субъекту.

Надо признаться, что вся эта исторія мало вѣроятна, такъ какъ мысль, во Гхъ, если она даже и выражается какими нибудь материальными измѣненіями въ самомъ мозгу и въ окружаю ей эфирной средѣ, едва ли можетъ дѣйствовать на чувствительныя пластинки подобно снѣгу; а во 2-хъ, мысль всегда абстрактна; абстрактное же не можетъ быть представлено въ какомъ нибудь реальномъ образѣ. Какъ вы нарисуете понятія о любви, вѣрности, или дѣро или горе? Даже понятіе о шиллингѣ абстрактно и фотографировать о немъ можетъ имѣть иѣкоторый образъ, но представленіе не есть мысль, такъ что, во всякомъ случаѣ, если Эдиссону и удалось что-либо сфотографировать, то это не есть мысль, а именно представленіе, которое, можетъ быть, вызываетъ какія нибудь реальныя измѣненія въ структурахъ глаза. Эти измѣненія и фотографировуются.

Вѣрнѣе, впрочемъ, предположить, что вся эта исторія есть лишь смелое недоразумѣніе и подухенное Эдиссономъ изображеніе есть не что иное, какъ смутная фигура глаза.

Томасу Эдиссонъ теперь двадцать одинъ годъ, онъ очень похожъ на отца и учился исключительно у него, то есть, проіялъ курсъ средняго образованія, въ университетъ не вступалъ.

До путешествія.

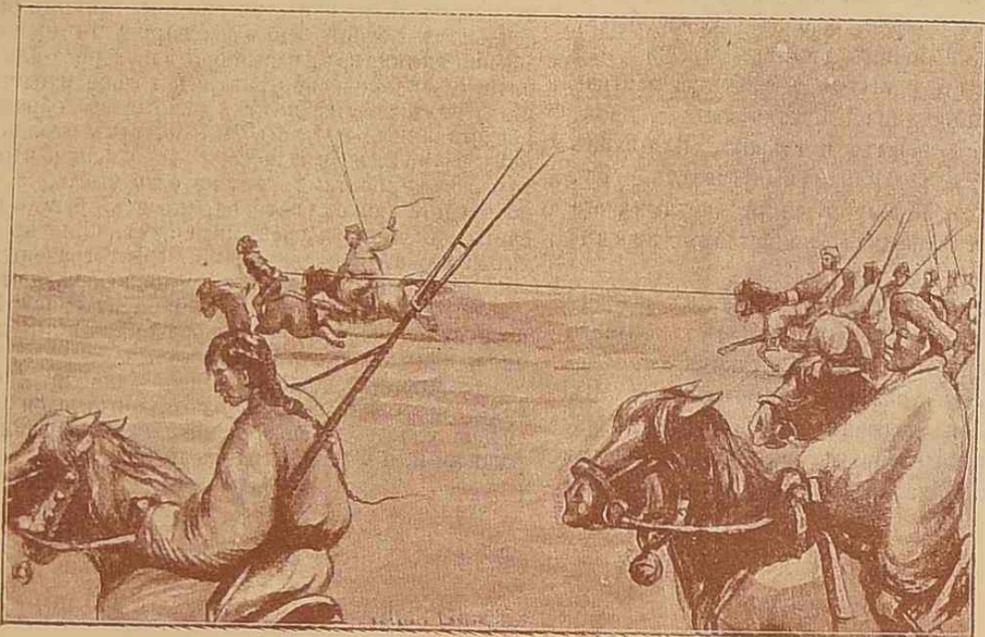
Послѣ путешествія.
Генри Ландоръ, путешественникъ по Тибету.

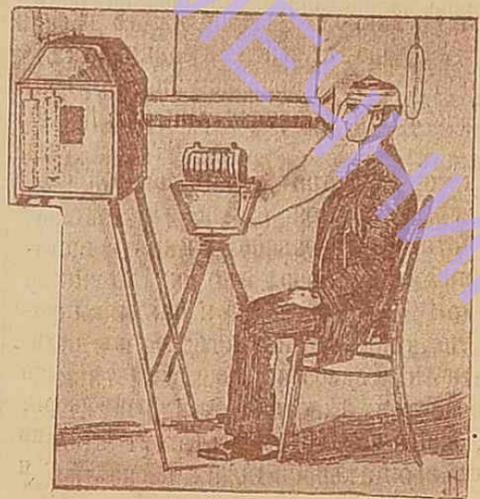
Злочищенія Ландора въ Тибетѣ.

Парижъ. — Дорожка для испытанія кондукторовъ автомобилей.

Злочищенія Ландора въ Тибетѣ.

Фотографированіе мыслей.